

Хан Уджу любит поспать по утрам. Я знал об этом раньше, но, столкнувшись с этим, понял, что это его желание не расставаться с постелью по утрам намного сильнее, чем можно было представить. В твердой решимости ни в коем случае не опоздать сегодня, я поставил будильник на 6 утра и проснулся рано. Затем я принялся бешено стучать в дверь Хан Уджу. Ответа не было. Пришлось войти в комнату.

За всю свою жизнь я впервые вижу человека, который так слаб по утрам. Разбудить Хан Уджу в 6 утра — первая попытка провалилась.

Ну ладно, в 6 утра еще можно понять. После умывания, в 6:40, я снова попытался разбудить Хан Уджу — вторая попытка провалилась.

Переодевшись в форму, я снова попытался разбудить Хан Уджу в 7 утра — третья попытка провалилась.

От дома Хан Уджу до школы 20 минут пешком. Чтобы не торопясь собраться и прийти вовремя, нужно встать в 7 утра. Я начал не просто трясти Хан Уджу, а слегка бить его.

— Эй! Хан Уджу! Вставай!! Вставай!

— Тихо...

Хан Уджу натянул одеяло до самого подбородка. Это просто возмутительно. Когда я попытался стянуть одеяло, он изо всех сил держался за него. Мы словно играли в перетягивание каната. С одной неработающей рукой я не мог выиграть.

— С-стой, подожди!

В итоге я вместе с одеялом потянулся за ним и рухнул на Хан Уджу. Помимо неловкости, мне было больно от того, что левая рука оказалась зажата. Когда я застонал от боли, Хан Уджу наконец открыл глаза.

— ...Что ты делаешь?

— Эй... ах, больно. Рука, рука.

Хан Уджу медленно поднялся, словно все еще не проснулся. Он оттолкнул меня, бросил взгляд на мою загипсованную руку и зевнул, опустив голову.

— ...Сколько сейчас времени?

— 7:05? 7:10. Примерно.

Хан Уджу резко поднял голову и свирепо посмотрел на меня. Не обращая на это внимания, я долго ворчал, что мы должны выйти в 8, сколько еще он собирается опаздывать, и если хочет спать, пусть спит в школе. Только тогда он кое-как выбрался из кровати.

— Помойся, соберись и выходи. Понял?

— Понял, понял...

В любом случае, я это сделал.

Сегодня я наконец-то увижу Хан Уджу, который придет в школу вовремя. Едва я подумал об

этом, как Хан Уджу, который пошел мыться, вдруг вышел из ванной и в принципе из комнаты. Что? Куда он?

Он, похоже, очень сонный, потому что его шатающаяся походка по лестнице не внушает доверия.

Будь осторожен, ты вообще видишь куда идешь? Он не ответил на мой вопрос.

Хан Уджу направился прямо на кухню. Я гадал, что он делает, а он, оказывается, разогрел остатки каши и предложил мне ее съесть.

— Эй, ну что ты. Я бы сам это сделал.

— Я же сказал не пользоваться кухней, пока не поправишься...

— Думаешь, я даже этого не смогу?

— Ага. Мне кажется, ты все уронишь...

Его шатающаяся походка, когда он снова пошел мыться, теперь выглядела жалко. Этот парень, хоть и говорит так, но его преданность удивительна. Я никогда в жизни не болел серьезно, поэтому не нуждался в уходе, но это было как-то неловко и приятно.

Я предложил Хан Уджу завтрак, когда он вышел из душа, но он отказался, сказав, что обычно не завтракает, потому что с утра желудок не может переварить пищу.

7:50. Даже если идти медленно, мы не опоздаем. Когда я собирался выходить, Хан Уджу взял меня за правое запястье и что-то надел. Это были часы.

— Что это?

— Часы.

— Я и так вижу, что это часы.

— Часы и диктофон.

Что за диктофон? Хан Уджу потрогал часы, которые он надел мне, и заговорил:

— Сегодня тебя будут искать люди из бейсбольной команды и родители Ин Хасона.

— А.

— Не трогай, просто носи. Я настроил его работать 24 часа.

— ...Это что-то вроде доказательства? Ты собираешься подать в суд?

— Ну, посмотрим по ситуации. Если они не поймут по-хорошему, придется.

«.....»

Люди Ин Хасона, наверное, что-то скажут. Это было ожидаемо. Даже в маршруте Ин Хасона каждый раз, когда случалось насилие, это был обычно нешуточный скандал. Они старались замять дело, пока это не стало невозможно, и только тогда он получал наказание.

Это одно, но нынешняя ситуация довольно неловкая. Похоже, Хан Уджу намерен похоронить Ин Хасона в социальном плане.

Чувствую себя странно. Это из-за того, что я вспомнил Хан Уджу из маршрута Ин Хасона. Что, если бы Хан Уджу построил нормальные отношения с Ин Хасоном? О каком судебном процессе идет речь? Он бы скорее заплатил компенсацию. Разве Ин Хасон просто так зависел бы от Хан Уджу?

Что же заставило Хан Уджу так не любить Ин Хасона? Ведь сразу после первой встречи все было точно так же, как в оригинале.

— Поговори с ними спокойно и выходи. Больше ни о чем не беспокойся.

— ...Понял.

Я смотрел на часы и просчитывал различные возможности. Бейсбольный мяч. Кажется, все началось с того, что Хан Уджу не вернул бейсбольный мяч Ин Хасону...

— Пойдем. Ты же не хочешь опоздать?

Хан Уджу вытащил меня из болота размышлений. Лицо Хан Уджу выглядело очень спокойным. Он выглядел как обычно. За исключением синяка на щеке.

Сегодняшняя небольшая цель была достигнута идеально. Мы пришли вовремя, и Хан Уджу благополучно прибыл в школу. Однако, не успел я насладиться маленьким успехом, как меня охватило напряжение.

Что скажут люди Ин Хасона? Хан Уджу велел мне поговорить с ними «спокойно», но тот парень — псих, который не знает, что такое «спокойно». Никто не мог знать, как обернется ситуация.

Я пропускал уроки мимо ушей и небрежно отвечал друзьям Чо Хёну, которые приходили на перемене. И вот наступил тот момент. Во время перемены после третьего урока меня позвал классный руководитель.

«Как же так вышло?»

Главный герой отоме-игры может подать в суд на бывшего персонажа для любовной линии. Что это такое? Неужели жанр игры изменился без моего ведома? С тех пор как я попал сюда, не было ни одного спокойного дня. Чо Хёну — всего лишь второстепенный персонаж, но как же так получилось, что он оказался так сильно замешан в сюжете?

Я успокоил сердце глубоким вдохом и направился в учительскую. Классный руководитель махнул мне рукой у входа в конференц-зал, расположенный внутри учительской. Кажется, у меня действительно плохой цвет лица.

Он утешал меня, говоря: «Не нервничай, ничего особенного не будет». Нет. Кажется, что-то особенное все же будет.

Я вошел в конференц-зал. Хан Уджу был прав. Там были Ин Хасон и его родители, а также люди из бейсбольной команды. Ух ты, как подло. Чо Хёну один. Хотя школьный врач и классный руководитель пришли в качестве моих опекунов, они не внушали доверия.

— Вы ученик Хёну?

Сказал мужчина, сидевший слева от Ин Хасона. Это его отец.

— Да.

— Жаль, что так вышло. Ну, мальчики в этом возрасте иногда играют и получают травмы. Так они и растут.

...С самого начала они действовали жестко. Даже если это несправедливо, я должен сказать свое слово.

— Я не играл с Ин Хасоном. Трудно назвать игрой то, как он ругается и толкает меня без моего согласия.

Атмосфера мгновенно застыла. Мать Ин Хасона спокойно сказала:

— Это был несчастный случай. Хасон не хотел тебя травмировать.

— Я не уверен. В любом случае, я получил травму.

Отец Ин Хасона скрестил руки и откинулся на спинку стула. В его словах слышалось предыхание.

— То, что у ученика слабое тело, не вина нашего Хасона, верно?

Ха. Этот человек?

— Я слышал, что у ученика трудности. Разве недоедание распространено в наши дни? Нет. Ученик не худой, не низкий. Думаешь, он знал, что кость сломается от лёгкого толчка? Если рассуждать, разве Хасон не пострадал? Насколько сильно мой ребенок был смущен.

«.....»

— Думаю, вам просто не повезло, ученик Хёну.

— Эм, господин, такие слова немного...

Классный руководитель вмешался, пытаясь остановить отца Ин Хасона. Классному руководителю тоже, видимо, показалось, что это перебор.

Я обратился к Ин Хасону.

— Ин Хасон.

— Да.

— Ты набросился на Хан Уджу и схватил его за шиворот. Когда я пытался остановить тебя, ты толкнул меня, сказав: «Проваливай». Я врезался в стену. И, наконец, ты ударил Хан Уджу.

«.....»

— Это произошло на глазах и других учеников, ты же не скажешь, что это неправда?

— Да. Так и было. Извините.

— Это насилие. Или что?

— Я не говорил, что это не так.

— Твои родители говорят, что это не так.

— Тогда, наверное, это не так.

Он даже не притворяется, что раскаивается. Меня это уже не удивляет. Скрип, звук волочащегося по полу стула раздражал.

— Ученик Чо Хёну. Таких талантливых игроков, как Хасон, мало. Вы понимаете, что я имею в виду?

На этот раз какой-то человек из бейсбольной команды, или кто-то еще, заговорил.

— Если Хасон получит дисциплинарное взыскание за насилие, это будет очень проблематично. Даже одна запись в досье станет большой проблемой при отборе. В наши дни такие нарушения очень строго наказываются...

Мужчина. Зачем им просто так проверять?

— Человек может совершить ошибку хотя бы раз в жизни. Это всего лишь один проступок. Вам не кажется, что это слишком, если из-за этого он навсегда потеряет свой шанс в спорте?

Поток чуши продолжался. Последующие слова я почти не слышал. Мне и так было понятно. Эти люди хотят тихо замять дело. Разговоры, кружившие по кругу, наконец достигли своей конечной точки. Вывод таков:

Мы заплатим компенсацию.

Прими это и считай, что произошёл несчастный случай.

Честно говоря, для Чо Хёну это сумма, которую было бы убыточно не принять. В его фразе, когда он говорил: «Если хочешь, мы можем добавить еще», сквозила уверенность. Он думал, что я ни за что не откажусь.

— Мне не нужно.

Даже если бы я захотел, я не смог бы спокойно подчиниться, видя такое презрительное отношение. Директор, казалось, был ошарашен моим ответом и вспылал. Родители Ин Хасона, которые все это время притворялись благородными и несли чушь, в конце концов, взорвались и набросились на меня, используя вульгарные ругательства. Мне стало невыносимо находиться там, и я встал. Классный руководитель поспешно схватил меня.

— Х-Хёну, подожди немного. Они потратили свое время, так что давайте закончим разговор...

— Мне больше нечего сказать. Плата за лечение, конечно, должна быть выплачена, а что касается остального, я не знаю. Квитанцию передам через классного руководителя.

— Хёну.

— Урок уже начался. Я пойду.

Я поспешно покинул эту комнату, почти сбегая. Я не понимал, почему меня, жертву, ругают. Безымянные эмоции, разбросанные и парящие в моей голове, начали медленно собираться

воедино, обретая форму. Они были настолько неприятно липкими, что я не мог их смыть.

Я не смог сразу пойти в класс и побежал в ближайший туалет. Грудь тяжело сдавило, словно на сердце висел груз. Отчаяние овладело моим мозгом, а одиночество сковало ноги. С таким трудом сохранявшееся спокойствие рухнуло.

Как ни смешно, я завидовал Ин Хасону. До смерти завидовал тому, что рядом с ним есть человек, который будет защищать его, не оглядываясь. Я пережил здесь столько несправедливостей, но мне не к кому было обратиться, не было никого, кто был бы полностью на моей стороне.

Сумасшедшие ублюдки. У меня тоже есть семья. Я был достаточно хорошо воспитан в любящей семье. Если бы они знали, как со мной обращаются, они бы не оставили это так. Разве кто-то не может кричать? Разве я не могу ругаться и спорить, если не хочу?

Эй. Моя мама и сестра ругаются лучше вас. Я тоже умею ругаться. Я этого не делаю, потому что знаю, что это низко и грубо.

Я кипел от негодования. Почему я должен здесь находиться? Я же не Чо Хёну.

«Я должен вернуться. Я вернусь».

Спутанные эмоции и мысли сошлись на одном. Я должен вернуться в свою реальность, в свое первоначальное тело.

Я открыл окно меню и нажал кнопку «Выйти из игры».[Система: Подсказка. Функция выхода из игры станет доступна после достижения концовки.]

Это сообщение я видел и раньше. Концовка, концовка... Что мне делать? В чем разница между скрытым и обычным маршрутами? Почему Ин Хасон был исключен из списка завоевываемых персонажей? Говорилось, что были выполнены определенные условия. Что это за условия, черт возьми?

Мне нужно время, чтобы подумать и во всем разобраться. Если я оглянусь на то, что произошло до сих пор, возможно, найдутся зацепки. Мне нужно что-нибудь записать, подумал я и поднял голову.

В зеркале отразился Чо Хёну.

...И не только Чо Хёну.

В трех-четырех шагах позади стоял Ин Хасон. Ин Хасон преследовал меня. Наши взгляды встретились. Его вид был зловещим. Кажется, Ин Хасон выглядел так же перед тем, как совершить крупное происшествие в игре. Сердце колотилось в ушах. Шумно.

Спокойно. Нужно быть спокойным. Приди в себя, Ан Тэвон. Ты сможешь выбраться.

— Серьезно.

Глубокий голос Ин Хасона тяжело давил на меня. Я медленно повернулся и встретился с Ин Хасоном лицом к лицу. Один шаг. Ин Хасон подошел ко мне. Я попытался отступить, но умывальник преградил путь. Отступить больше некуда.

— Вы меня до конца вывели из себя.

<http://bllate.org/book/13870/1223268>